

ЭТОС ЭЛЕКТОРАЛЬНОЙ ДЕМОКРАТИИ: ПРОЦЕДУРЫ И ЦЕННОСТИ*

¹Дунаев Владимир Юрьевич, ²Шаукенова Зарема Каукеновна,
³Курганская Валентина Дмитриевна

¹*vlad.dunaev2011@yandex.kz*, ²*zarema_13@bk.ru*, ³*vkurganskaya@mail.ru*
^{1,2,3}Институт философии, политологии и религиоведения КН МНВО РК
(Алматы, Казахстан)

¹Vladimir Dunaev, ²Zarema Shaukenova, ³Valentina Kurganskaya
¹*vlad.dunaev2011@yandex.kz*, ²*zarema_13@bk.ru*, ³*vkurganskaya@mail.ru*
^{1,2,3}Institute for Philosophy, Political Science and Religious Studies
of the CS MSHE RK (Almaty, Kazakhstan)

Аннотация. В современной политической теории представлен ряд типологий социально-политических систем. Линии водораздела между ними можно проводить по разным основаниям. Наиболее принципиальным из них является различие позиций относительно аксиологических и процедурных основ демократии. Приверженцы точки зрения, восходящей к платоновско-аристотелевскому пониманию, защищают положение, согласно которому при любой форме демократии её властно-правовые институты должны быть направлены на достижение общего блага и согласовываться с определёнными ценностными постулатами и моральными нормами. Сторонники второй точки зрения отстаивают приоритет специально выработанных демократических процедур для достижения общественного согласия при сохранении противоречий между различными личностными и групповыми интересами. В статье предпринимается попытка раскрыть диалектику соотношения аксиологических и процедурно-институциональных основ демократии.

Ключевые слова: демократия, справедливость, выборы, права человека, свободы

Введение

Одним из основных итогов развития философско-политических и этико-правовых учений Нового времени явилось категорически-императивное утверждение первичности прав и свобод человека по отношению к любым государственно-политическим структурам, институтам, механизмам отправления власти. В следовании этому принципу усматривался безусловный, независимый от идеологических обоснований и прагматически-утилитарных мотивировок критерий строго правовой справедливости. Вместе с тем, как афористически точно формулирует Аристотель, «понятие справедливости связано с представлением о государ-

* Исследование проведено в рамках финансирования КН МНВО РК – грант BR20280977 «Современные концептуальные подходы к содержанию справедливости и ее реализации в казахстанском обществе в условиях глобальных трансформаций».

стве, так как право, служащее мерилom справедливости, является регулирующей нормой политического общения» [1, с. 380].

Согласно аксиоматическому для современной социально-политической теории положению, государственно-политическая система справедливого общества, гарантирующая соблюдение неотъемлемых прав и свобод человека, может быть устроена только на демократических принципах. При этом не только в политической риторике, но и в теоретическом дискурсе существенная связь демократии, прав и свобод человека определяется с помощью особой логической операции, названной Аристотелем «доказательством по кругу». В логическом учении Аристотеля утверждается наличие необходимо недоказуемого в силлогистике знания – знания безусловных начал. Единственным способом применения рационально-логических операций по отношению к данной ситуации является заключение через перестановку терминов. При перестановке крайних терминов необходимо, чтобы и средний термин представлялся с ними обоими, т.е. каждый из крайних терминов должен становиться средним. Только таким образом возможно доказательство по кругу, когда демократия, права и свободы человека как безусловные ценности определяются друг через друга.

Проблема стабильности демократии, как правило, рассматривается в контексте компаративистских исследований и в системе конкурирующих моделей самой демократии. Как отмечает Р. Даль, за последние 50 лет «все политические системы, альтернативные демократии, либо исчезли вовсе, превратившись в диковинные ископаемые, либо удалились с политической арены» [2, с. 7]. Разнообразие политических систем, бывшее предметом социально-философской рефлексии классического периода, уступает место сравнительно-политологическому исследованию разнообразия собственно демократических систем.

Доминантой теоретического интереса становится проблема типологии демократии, разработки ее критериев, стандартов и эталонов в связи с особенностями состава и структур взаимодействия лингвистических, этнических, расовых, религиозных, культурных, идеологических, региональных и т.д. общностей (сегментов), в совокупности составляющих социально-политическое целое. Эта установка также может быть возведена к античным образцам политически-правовой рефлексии.

Методология

В исследовании применены методы институционального и неинституционального подходов; логический и исторический методы; методология системного, структурно-функционального и факторного анализа политических процессов и институтов.

Античные образцы демократии

Тематизация проблемы демократии в современном социально-политическом дискурсе принципиально отличается от классических социально-философских учений по ряду позиций. Во-первых, демократия (впрочем, как и все иные формы правления или политические режимы) не связывалась с процедурами выборов. Духовный и политический мир античного полиса характеризовали равное для всех подчинение закону (*isonomia*) и равное для всех участие в отправлении власти (*isocratia*).

В Афинской политике политические решения вырабатывались и принимались публично и коллегиально. Высшим политическим органом была эkkлeсия – народное собрание, в котором имели право участвовать все граждане города-государства. Эkkлeсия собиралась каждые 8-9 дней, в ней участвовали несколько тысяч граждан из 30-40 тысяч населения города, имеющих право голоса. Чтобы привлечь к участию в народном собрании бедные слои населения, была введена плата в размере дневного заработка ремесленника. Для решения важных вопросов жребием избиралось более 700 должностных лиц сроком на один год. Текущими делами занимался «Совет пятисот», избираемый по жребию по 50 человек от каждой из 10 фил (родоплеменных общностей, а впоследствии территориальных округов Афин). По жребию выбирались также суды присяжных. Вообще практически на все административно-политические и судебные должности граждане ежегодно выбирались по жребию. Исключение составляла политическая элита – коллегия десяти стратегов, куда влиятельные граждане выбирались голосованием.

Эта система формирования политических институтов демократии обеспечивала перманентную ротацию и реальное участие демоса в управлении государством. Ключевой характеристикой и процедурной основой демократии являлось политическое участие, равенство граждан полиса в выработке и принятии политических решений. При этом античный принцип и сократии не тождествен современным моделям демократии участия. Э. Шаттшнайдер, рассматривая сущность демократии, утверждает: «Демократия – это конкурентная политическая система, в которой конкурирующие лидеры и организации определяют альтернативы публичной политики таким образом, чтобы общественность могла участвовать в процессах принятия решений» [3, с. 138]. Й. Шумпетер по этому поводу замечает, что не народ в действительности поднимает и решает политические вопросы. Эти вопросы, определяющие его участь, поднимаются и решаются за него демократически избранной властью. Приверженец демократии более чем кто бы то ни было должен принять этот факт как данность.

Во-вторых, древнегреческие философы рассматривали демократию как один из видов государственного устройства наряду с монархией, аристократией, тиранией, олигархией. При этом демократия не расценивалась как

наиболее совершенная форма социально-политического организма и высшая политическая ценность. Напротив, Платон низко ставил демократическую форму правления из-за её неустойчивости, неизбежности её перерождения в охлократию или тиранию. Как известно, великому античному мудрецу и законодателю Солону афинский демос предлагал ничем не ограниченную, стало быть, тираническую власть.

Казалось бы, демократия – это самый лучший государственный строй, заключающий в себе все роды государственных укладов и нравов. «Словно ткань, испещрённая всеми цветами, так и этот строй, испещрённый разнообразными нравами, может показаться всего прекраснее». Свободный человек в условиях равноправия «так же разнообразен, многолик, прекрасен и пёстр, как его государство» [4, с. 344, 349]. Демократический строй – приятный и разнообразный, снисходительный к человеческим порокам и слабостям, дающий простор всем человеческим страстям и вожделениям, но тем самым подрывающий нравственные устои и правовые скрепы государства, опустошающий акрополь человеческой души. Поэтому Платон и не питал иллюзий относительно способности демократии установить справедливый социальный порядок. Он прекрасно осознавал внутреннюю ограниченность афинской политики, предопределившую превратности её судьбы. Неопровержимыми аргументами-фактами послужили осуждение и казнь Сократа, продемонстрировавшие бессилие разумного убеждения перед предрассудками и косностью законопослушного демоса.

В наши дни на первый план вновь выходит отмеченная классиками особенность демократической формы правления – её нестабильность и уязвимость. Один из ведущих философов современности Жан Бодрийяр, говорит: «Демократия обладает большим запасом возможностей автокоррекции, самоналадки. Но сегодня, похоже, эти возможности истощились. Взять хотя бы систему народного представительства – посмотрите, во что она превратилась в Америке. И у нас, во Франции, не лучше. Это не демократия, это издевательство. Права человека, свобода, демократия – всё это превратилось в пародию. И очень мало шансов, что систему можно откорректировать» [5, с. 4]. Система достигла стадии предельной насыщенности и теперь начинает опошляться. Самое смешное во всем этом, продолжает Ж. Бодрийяр, что западные ценности таковыми больше не являются.

Точно такой же диагноз был поставлен полисной демократии Платоном. Платоновский Сократ говорит собеседнику: «То, что определяет как благо демократия и к чему она ненасытно стремится, именно это её и разрушает.

– Что же она, по-твоему, определяет как благо?

– Свободу. В демократическом государстве только и слышишь, как свобода прекрасна и что лишь в таком государстве стоит жить тому, кто свободен по своей природе». И несколько далее: «Чрезмерная свобода, по-видимому, и

для отдельного человека, и для государства оборачивается не чем иным, как чрезвычайным рабством» [4, с. 350, 352].

С этим выводом вполне солидарен и Аристотель: «Многое из того, что кажется свойственным демократии, ослабляет демократию». В особенности те меры, которые придают государству наиболее выраженный демократический отпечаток. В демократиях установились порядки, противоположные тому, что полезно для демократии, и «причина этого в том, что там плохо понимают, что такое свобода» [1, с. 549, 551].

Если Платон ставит вопрос об *идеальном* государстве, то Аристотель поднимает проблему *оптимального* или даже *приемлемого* устройства государства применительно к конкретным условиям той или иной страны, к той житейской обстановке, в которой живёт большинство людей. Аристотель призывает не забывать, что некоторые государства в формально-правовом отношении не демократические, всё же являются таковыми «в силу господствующих обычаев и всего уклада жизни». В то же время «в других государствах бывает обратное явление: по законам строй скорее демократический, а по укладу жизни и господствующим обычаям скорее олигархический. Подобного рода явления встречаются чаще всего после государственных переворотов» [1, с. 498].

Основным началом демократии является свобода, основанная на равноправии. Когда верховная власть принадлежит всем в равной степени, справедливо то, что решено большинством, и в этом усматривается демократический способ осуществления равенства и свободы. Ставя вопрос: над чем, собственно, должна иметь власть масса свободных граждан, – Аристотель решает его в том смысле, что эта верховная власть должна заключаться в выборе должностных лиц и в принятии отчёта об их деятельности.

В современном мире анализ концепций демократии, предложенных классической политической философией и современной теоретической социологией, свидетельствует о том, что вопрос о сущности и критериях демократии так и не нашёл однозначного решения. Обратимся к анализу различных вариантов ответа на этот вопрос, предложенных ведущими представителями мировой философско-политологической мысли.

Сущность и критерии демократии

Сегодня демократия большинством стран мирового сообщества (в начале 2000-х гг. 118 из 193 государств являлись демократическими [6, с. 55]) рассматривается как практически безальтернативная, универсальная форма устройства политической системы. Вместе с тем «За 25 столетий, в течение которых демократия истолковывалась, оспаривалась, одобрялась, порицалась, замалчивалась, устанавливалась, существовала, уничтожалась, а потом порой воцарялась вновь, так и не удалось, как мне кажется, прийти к согла-

сию по наиболее фундаментальным вопросам, касающимся самой сути этого явления» [2, с. 9].

Исследователи с 70-х годов прошлого века говорят о кризисе демократии. С. Хантингтон, М. Крозье, Д. Ватануки связывают этот кризис с усложнением социальной структуры общества, распространением плюрализма частных интересов, эрозией традиционных ценностей и растущих потребностей [7, р.113].

Ю.Ю.Смирнова отмечает: «Дискуссии о трансформации моделей политического участия проходят на фоне констатируемого многими исследователями кризиса демократии, который можно, в принципе, рассматривать и как очередной «откат», следующий за волной демократизации, и как более глубокую проблему, связанную со сменой парадигмы исторического развития» [8, с. 84].

Кризис демократии некоторые исследователи связывают с дальнейшей концентрацией власти в руках немногочисленной элиты и корпораций, тогда как «демократия же процветает как раз тогда, когда люди имеют и используют возможность активно участвовать в формировании повестки дня общественной жизни» [9, с. 201].

Похоже, что новой, четвертой волны демократизации, на которую рассчитывали некоторые исследователи в конце XX начале XXI века, так и не будет. Срывы демократического транзита, дестабилизация демократии в стратегически важных странах, возрождение авторитаризма в России и Китае, проблемы в «старых» демократиях Запада, которые сами проходят испытания на прочность, позволило Л. Даймонду говорить не о новой волне демократизации, а о демократической рецессии [10].

XX век дал яркие примеры провалов демократии, впечатляющие подтверждения действия отмеченной Платоном и Аристотелем тенденции порождения тоталитарных режимов из самой демократии, на основе демократических процедур народного волеизъявления. «Тирания возникает, конечно, не из какого иного строя, как из демократии; иначе говоря, из крайней свободы возникает величайшее и жесточайшее рабство» [4, с. 352]. Тиран появляется именно как ставленник народа. И наоборот, именно защита демократических ценностей вызывает подозрение в тиранических устремлениях.

Тем не менее, при всех критических оценках демократических принципов и ценностей нельзя не признать, что для преодоления ошибок и отрицательных последствий процессов демократических преобразований не существует иного способа, чем сама же демократизация.

Й. Шумпетер подверг критике классические доктрины демократии, исходящие из её определения в соответствии с источником власти («суверенитет народа», «воля народа») и её целью («благо народа»). Й. Шумпетер показал, что такого рода теории релевантны утопически-умозрительным конструкциям или идеально-типическим моделям демократии, но не могут служить

методологическим фундаментом институционального, эмпирического, дескриптивного подходов к изучению реально существующих демократических режимов. Если принцип демократии определять, исходя из буквального значения термина – власть народа – то неизбежен вывод о том, что демократия становится недееспособной, если её принцип соблюдается последовательно. Содержанием демократической политики является борьба за власть и посты, а социальные функции выступают как побочный продукт этой борьбы

Вместо традиционных концепций демократии Й. Шумпетер предложил процедурный подход, призванный обеспечить эмпирическую референтность и аналитическую строгость дискурсу: «Демократический метод – это такое институциональное устройство для принятия политических решений, в котором индивиды приобретают власть принимать решения путём конкурентной борьбы за голоса избирателей» [11, с. 667]. Как отмечает С. Хантингтон, дебаты между сторонниками этих двух подходов к 1970-м годам закончились победой последователей процедурной концепции демократии.

С. Хантингтон фактически воспроизводит сформулированное Й. Шумпетером процедурное определение понятия демократии: «Основная процедура демократии – избрание лидеров управляемыми ими людьми путём соревновательных выборов» [12, с. 16]. В соответствии с этим принципом «политическая система государства определяется как демократическая в той мере, в какой лица, наделённые высшей властью принимать коллективные решения, отбираются путём честных, беспристрастных, периодических выборов, в ходе которых кандидаты свободно соревнуются за голоса избирателей, а голосовать имеет право практически всё взрослое население» [12, с. 17]. Ф. Закария приводит эти определения к лаконичной, «минималистской» формулировке демократии: «Если в стране проводятся состязательные многопартийные выборы, мы называем её демократической» [6, с. 57]. В этой связи возникает известное напряжение между процессами либерализации и демократизации, между электоральной демократией и конституционным либерализмом, связанным не с процедурами выборов, а с ценностями свободы и прав личности. Авторитарные режимы могут проводить достаточно широкие либеральные реформы – смягчать цензурные ограничения, выносить вопросы на всенародные референдумы, поддерживать институты гражданского общества и т.д. Ф. Закария называет политические режимы, возникшие в процессе либерализации без демократии, либеральными автократиями.

Й. Шумпетер отмечает: «Воле и благу народа могут служить, и во многих исторических ситуациях служили, правительства, которые нельзя назвать демократическими в соответствии с любым из общепринятых смыслов этого слова» [11, с. 667-668]. В современном мире примером эффективного государства «всеобщего благоденствия» служат не только консолидированные демократии стран северной Европы, но и, скажем, династические режимы Саудовской Аравии и арабских эмиратов.

Электоральная демократия

Электоральная демократия также не гарантирует имплементацию ключевых требований электората к формируемой на основе выборов легитимной власти. «Выборы, открытые, свободные и честные, – суть демократии, её неизбежное *sinequa* поп. Правительства, создаваемые в результате выборов, могут быть неэффективными, коррумпированными, недальновидными, безответственными, они могут руководствоваться особыми интересами и быть неспособны проводить политику, какой требует общественное благо. Подобные качества могут делать такие правительства нежелательными, но не делают их недемократическими» [12, с. 20]. Более того. Абсолютизация процедурных основ демократии в форме свободных конкурентных выборов как её сути и единственного критерия приводит к очевидным несуразностям. Так, например, в Германии нацистский режим привели к власти свободные, составительные, многопартийные, отвечающие всем требованиям электоральной демократии выборы.

Американский аналитик Фарид Закария считает, что сегодня существует целый спектр нелиберальных демократий, «почти что тираний, вроде Казахстана и Белоруссии», в которых «выборы редко бывают столь же свободными и честными, как сегодня на Западе, но они отражают действительное участие народа в политике и поддержку, оказываемую избранным» [6, с. 56]. Оставим на совести автора этого высказывания неолиберальные штампы насчёт диктаторского, «почти что тиранического» политического режима в ряде постсоветских государств, и насчёт кристальной честности выборов в странах Запада. Но сам факт существования нелиберальных демократий свидетельствует об ограниченности процедурного подхода к интерпретации сущности демократии через институт выборов. В современном мире многие фундаменталистские, авторитарные режимы утверждают свою легитимность посредством выборов, отвечающим основным требованиям электоральной демократии.

Более того. Заслуживает внимания и серьёзного обсуждения парадоксальное утверждение Ф. Закария о том, что выборная демократия является в современном мире главной угрозой и антиподом либеральной демократии. Идеологический мейнстрим процессов глобализации выстраивается на постулате о том, что США являются светочем и оплотом демократии, несущим её ценности по всему миру (как посредством дипломатии и мягкой силы, так и с помощью ковровых бомбардировок и организации государственных переворотов). Между тем избирательная система США является архаичной и громоздкой, далеко не в полной мере отвечающей требованиям прозрачности и справедливости избирательного процесса. В США иностранные наблюдатели не допускаются к процессу голосования. Система подсчёта голосов так

называемых «выборщиков» устроена таким образом, что кандидат в президенты, набравший меньше голосов избирателей, чем его конкурент, может быть в итоге объявлен победителем.

По мнению Ф. Закария, отличительной особенностью политической системы США является её «недемократический характер, в действительности налагающий множество ограничений на избирательное большинство... Американский сенат – это самая непредставительная верхняя палата в мире...» [6, с. 67]. Объективности ради следует отметить, что нельзя согласиться с утверждением Ф. Закария о мировом лидерстве сената США в рейтинге недемократичности. Пальма первенства должна быть, безусловно, отдана британской палате лордов. Верхняя палата парламента Великобритании – палата лордов – формируется на основе наследственного и пожизненного пэрства. Предпринимаемые с начала 2000-х гг. попытки ввести различные варианты избрания членов палаты лордов на всеобщих выборах не увенчались успехом. При этом наличие институтов, являющихся прямым антиподом электоральной или представительной демократии – палаты лордов, монархического политического строя, учреждённой государством Англиканской Церкви во главе с монархом, назначающим архиепископов, епископов и настоятелей кафедральных соборов (причём 26 епископов Англиканской Церкви являются духовными лордами и имеют право заседать в палате лордов по правую руку от монаршего трона) – не является препятствием тому, чтобы причислять Англию к числу безусловных лидеров «свободного мира». При этом Великобритания является единственной западной демократией, автоматически предоставляющей церковным иерархам право членства в законодательном органе.

Но продолжим цитирование статьи Ф. Закария: «Легислатуры по всей территории Соединённых Штатов поразительным образом являют собой власть не большинства, а меньшинства» [6, с. 67-68]. Не менее поразительным образом из этих констатаций Ф. Закария делает вывод о том, что следование американской традиции недемократического конституционного либерализма, основанного на «открыто пессимистическом представлении о человеческой природе», согласно которому «людям нельзя доверять в вопросах власти», должно стать магистральной линией «развития добродетельного правления во всём мире» [6, с. 68]. Таким образом, не только избираемая автократия и представительная демократия, но и партиципаторная демократия (демократия участия) являются препятствием и угрозой продвижению конституционного либерализма (западной либеральной демократии).

С. Хантингтон утверждает: «...в настоящий момент следует уделять больше внимания трансформации выборных демократий в либеральные демократии» [13]. По его мнению, в незападных странах, не имеющих длительной либеральной традиции, выборы могут приводить к власти политические силы, несущие угрозу основополагающим демократическим ценно-

стям – гражданским свободам и правам человека. В странах же либеральной демократии такой исход выборов исключён. С. Хантингтон также отмечает парадоксальный, с его точки зрения, факт, что именно заимствование западными странами демократических институтов, в том числе института выборов, зачастую приводит к власти антизападных политических лидеров. На самом деле никакого парадокса нет в том, что демократические выборы приводят к власти политиков, выражающих не прозападные ориентации, но доминирующие в данной стране на данный исторический момент времени общественные настроения и ценности.

Электоральная демократия подвергается критике по различным направлениям, при этом объектом критики выступает и сам институт выборов. Ф. Закария считает, что следует отказаться от переоценки демократического избирательного процесса как источника легитимности, а потому и от процедурализма «с его болтовнёй о выборах» [14, с. 78]. Й. Шумпетер, обосновавший процедурную концепцию демократии, вместе с тем утверждал, что демократические процедуры не выполняют своей функции представительства общей воли народа или воли большинства, как об этом говорит классическая доктрина. В процедурах голосования мы имеем дело не с подлинной, но со сфабрикованной волей. Воля народа есть не движущая сила политического процесса, но его продукт. Этот вывод в наши дни тотального доминирования политических технологий становится простой констатацией банального факта. Кроме того, как полагал Й. Шумпетер, при голосовании за того или иного кандидата или политическую партию избиратели по большей части руководствуются отнюдь не рациональными аргументами. У избирательной урны обычный рассудительный и прагматичный обыватель «вновь становится дикарём»: его мышление становится инфантильным и аффективным.

Редукция понятия демократии к её процедурному определению через институт выборов создаёт теоретические апории, а те выводы относительно состояния демократии в США, к которым приходит Ф. Закария, абсолютно неприемлемы с точки зрения идеологического мейнстрима глобализации. Поэтому противопоставление выборной и либеральной демократии рассматривается современной политологией как различие консолидированной, наиболее развитой модели либерально-демократических режимов, реализованной в развитых странах Запада, и тех моделей демократии, которые не вполне отвечают её нормам.

«Демократии с эпитетами»

Согласно Т. Карозерсу, в промежутке между консолидированными демократиями Запада и откровенно диктаторскими, авторитарными, тоталитарными, фундаменталистскими и т.д. государствами располагается серая или

сумеречная зона «гибридных политических режимов», или «демократий с эпитетами». В литературе встречается целый букет терминов для обозначения этой разновидности демократии: «формальная», «частичная», «фасадная», «имитационная», «дефектная», «демократия с исключениями», «демократия с анклавами», «несбалансированная», «нелиберальная», «виртуальная», «де-легативная» и т.п. Для всех государств, расположенных в серой зоне, как считает Т. Карозерс, «характерны слабое представительство интересов граждан, низкий уровень политического участия, не выходящего за пределы голосования, частые нарушения законов должностными лицами государства, сомнительная легитимность выборов, почти полное отсутствие доверия общества государственным институтам и устойчиво низкая институциональная эффективность государства» [15, с. 48-49]. Также Т. Карозерс считает типичными признаками политических режимов стран серой зоны отчуждение политического истеблишмента от рядовых граждан, которые, в свою очередь, не ждут ничего хорошего от коррумпированных, беспринципных, некомпетентных, глубоко равнодушных к нуждам и проблемам населения политических элит.

Относительно выделенных Т. Карозерсом критериев демократии и в целом по поводу концепции разделения мирового политического пространства на светлый мир либеральных демократий, тёмный мир авторитарных режимов и серую, сумеречную зону полудемократий-полудиктатур, необходимо сделать ряд замечаний.

Во-первых, набор этих критериев достаточно произволен, формируется *ad hoc*, может быть сколь угодно расширен либо урезан и т.д. С. Хантингтон замечает, что нечёткие нормы определения демократии – посредством наборов разного рода гражданских ценностей – заведомо непригодны для теоретического анализа [12, с. 20].

Во-вторых, оценка степени демократичности власти проводится на основании принятия ценностей западной модели либеральной демократии в качестве универсального, общеприменимого эталона, не допускающего наличия альтернативных нормативно-ценностных комплексов демократии.

В-третьих, практически все отличительные признаки государств «серой зоны» могут быть в той или иной мере применимы к функционированию политических институтов, состоянию общественного сознания и к характеристике политических элит в странах современной консолидированной демократии. Так, по заключению Х. Вагнера, даже некоторые правительства стран ЕС функционируют в своего рода «серой зоне», если часть решений принимается в обход традиционного для демократии механизма публичного оспаривания, причём эти решения не обеспечены развитыми демократическими механизмами контроля властных структур [16].

Заключение

Несостоятельность претензий политических ценностей западной модели демократии на статус общечеловеческих ценностей стала особенно очевидна в наши дни. Псевдоценности «новой нормальности», или «новой этики» насаждаются посредством технологий культурно-эрозионной политики, направленной на демонтаж традиционных морально-этических норм, принципов, ценностей под социально-либертарианским лозунгом толерантности. «В качестве оружия для уничтожения человеческих сообществ такая технология может быть эффективнее термоядерного заряда» [17].

По поводу рассуждений о расширении диапазона прав и свобод личности как основополагающих демократических ценностей следует отметить, что моральным основанием прав человека в процессе фреймирования этоса «новой нормальности» становится борьба против всевозможных форм дискриминации. Однако эта борьба сводится к этической легитимации доселе девиантных форм поведения, при этом права разного рода меньшинств выступают как референциальное поле естественных, неотчуждаемых прав человека. Отстаивание прав человека – это отныне борьба не за равноправие, а за эксклюзивные права, которые, вопреки риторике «новой этики», не восполняют структуру правового поля, а замещают собой универсальность прав человека. Симуляция идеологами «новой этики» своей перманентной озабоченности правами и социальной инклюзивностью маргинальных меньшинств не должна вводить в заблуждение. За глянцевым фасадом этико-правовых фреймов «новой нормальности» скрывается тот факт, что эти фреймы являются токсичными продуктами ошеломляющей деградации нравственных устоев и правовых скреп социального мира.

Список литературы

- 1 Аристотель. Политика // Аристотель. Соч.: в 4 т. Т. 4. – М.: Мысль, 1984. – С. 375-644.
- 2 Даль Р. О демократии. – М.: Аспект Пресс, 2000.
- 3 Schattschneider E.E. The Semisovereign People: A Realist's View of Democracy in America. – New York: Dryden Press, 1975.
- 4 Платон. Государство // Платон. Филеб, Государство, Тимей, Критий. – М.: Мысль, 1999. С. 79-420.
- 5 Архангельская Н. Меланхолический Ницше (интервью с Жаном Бодрийяром) // Спектр развития. 2002. № 2 (4). С. 3-6.
- 6 Закария Ф. Возникновение нелиберальных демократий // *Логос*. – 2004. № 2 (42). – С. 55-70.
- 7 Crozier M., Huntington S., Watanuki J. The Crisis of Democracy: Report on the Governability of Democracies to the Trilateral Commission. – New York: New York University Press, 1975.
- 8 Смирнова Ю.Ю. Кризис демократии и проблемы трансформации моделей политического участия // *Вестник ВГУ. Серия: история, политология, социология*. – 2023. – №2. – С. 84-87.
- 9 Бособрод П.А. К проблеме кризиса современной демократии // *ПОЛИТЭКС*. – 2014. – Том 10. – № 3. – С.198-208.
- 10 Diamond L. Facing Up to the Democratic Recession // *Journal of Democracy*. – 2015. Vol. 26. – № 1, January. – P. 141-155. DOI:<https://doi.org/10.1353/jod.2015.0009>

- 11 Шумпетер Й.А. Капитализм, социализм и демократия // Шумпетер Й.А Теория экономического развития. Капитализм, социализм и демократия. – М.: Эксмо, 2008. – С. 361-855.
- 12 Хантингтон С. Третья волна. Демократизация в конце XX века. / Пер. с англ. – М.: Российская политическая энциклопедия (РОССПЭН), 2003.
- 13 Хантингтон С. Двадцать лет спустя: будущее третьей волны // Русский журнал. 1997. 29 января. [Электронный ресурс]. – URL: <http://old.russ.ru/journal/peresmot/97-12-29/hantin.htm> (дата доступа: 25.02.24).
- 14 Закария Ф. Нелиберальная демократия пять лет спустя: судьба демократии в двадцать первом веке // *Логос*. – 2004. – № 2 (42). – С. 71-78.
- 15 Карозерс Т. Конец парадигмы транзита // Политическая наука. – 2003. – № 2. – С. 42-65.
- 16 Wagner H. Jürgen Hubermas – Seine Vision von Europa // ПространствоВремя. 2012. Т. 1, вып. 2. – URL: <http://e-almanac.space-time.ru/assets/files/Tom1 Vip2/rubr3-teorii-koncepcii-paradigmy-st1-vagner-1-2012.pdf>
- 17 Горжалдан Е. Технология уничтожения // Livejournal. 2014. 14 января. [Электронный ресурс]. – URL: <http://zuhel.livejournal.com/465630.html> [дата доступа: 25.02.24].

Transliteration

- 1 Aristotle. Politika [Politics] // Aristotle. Soch.: v 4 t. T. 4. – Moscow: Mysl', 1984. – P. 375-644.
2. Dahle R. O demokratii [About Democracy]. – Moscow: Aspekt Press, 2000.
- 3 Schattschneider E.E. The Semisovereign People: A Realist's View of Democracy in America. – New York: Dryden Press, 1975.
- 4 Plato. Gosudarstvo [The State] // Plato. Fileb, Gosudarstvo, Timej, Kritij. – Moscow: Mysl', 1999. – P. 79-420.
- 5 Arkhangel'skaya N. Melankholicheskij Nitsche (interv'yu s Zhanom Bodrijarom) [Melancholic Nietzsche (interview with Jean Baudrillard)] // *Spektrrazvitiya*. – 2002. – № 2 (4). – P. 3-6.
- 6 Zakariya F. Voznikovenie neliberal'nykh demokratij [The Emergence of Illiberal Democracies] // *Logos*. – 2004. – № 2 (42). – P. 55-70.
- 7 Crozier M., Huntington S., Watanuki J. The Crisis of Democracy: Report on the Governability of Democracies to the Trilateral Commission. – New York: New York University Press, 1975.
- 8 Smirnova Yu.Y. Krizis demokratii i problem transformatsii modelej politicheskogo uchastiya [The Crisis of Democracy and the Problems of Transformation of Models of Political Participation] // *Vestnik VGU. Seriya: istoriya. politologiya. sotsiologiya*. – 2023. – № 2. – P. 84-87.
- 9 Bosobrod P.A. K problem krizisa sovremennoj demokratii [On the Problem of the Crisis of Modern Democracy] // *POLITJeKS*. – 2014. – Tom 10. – № 3. – P. 198-208.
- 10 Diamond L. Facing Up to the Democratic Recession // *Journal of Democracy*. – 2015. Vol. 26. – № 1, January. P. 141-155. DOI: <https://doi.org/10.1353/jod.2015.0009>
- 11 Shumpeter J.A. Kapitalizm, sotsializm i demokratsiya [Capitalism, Socialism and Democracy] // Shumpeter J.A Teoriya jekonomicheskogo gorazvitiya. Kapitalizm, sotsializm i demokratsiya. – Moscow: Jeksmo, 2008. – P. 361-855.
- 12 Huntington S. Tret'ya volna. Demokratizatsiya v kontse XX veka [The Third Wave. Democratization at the end of the 20th Century] / Per. s angl. – Moscow: Rossijskaya politicheskaya jentsiklopediya (ROSSPJeN), 2003.
- 13 Huntington S. Dvadsat' let spustya: budushchee tret'ej volny [Twenty Years Later: the Future of the Third Wave] // *Russkijzhurnal*. 1997. 29 yanvarya. [Jelektronnyj resurs]. - URL: <http://old.russ.ru/journal/peresmot/97-12-29/hantin.htm> [access date: 25.02.24].
- 14 Zakariya F. Neliberal'nyademokratyapayat' let spustya: sud'bademokratii v dvadsat' pervomveke [Illiberal Democracy Five Years Later: ehe Fate uuf Democracy um ehe Twenty-First Century] // *Logos*. – 2004. – № 2 (42). – P. 71-78.
- 15 Karothers T. Konets paradigmy tranzita [The end of the Transit paradigm] // *Politicheskaya nauka*. – 2003. – № 2. – P. 42-65.
- 16 Wagner H. Jürgen Hubermas - Seine Vision von Europa // Prostranstvo i Vremya. 2012. Т. 1, вып. 2. - URL: <http://e-almanac.space-time.ru/assets/files/Tom1 Vip2/rubr3-teorii-koncepcii-paradigmy-st1-vagner-1-2012.pdf>

17 Gorzhaltzan E. Tekhnologiya unichtozheniya. [Technology of Destruction] // Livejournal. 2014. 14 yanvarya. [Jelektronnyj resurs]. - URL: <http://zuhel.livejournal.com/465630.html> [access date: 25.02.24].

Дунаев В.Ю., Шаукенова З.К., Қурганская В.Д.

Сайлау демократиясының этосы: процедуралар және құндылықтар

Аңдатпа. Қазіргі саяси теорияда әлеуметтік-саяси жүйелердің бірқатар типологиялары ұсынылған. Олардың арасындағы суайрық сызықтарын әртүрлі негіздер бойынша жүргізуге болады. Олардың ішіндегі ең принциптісі - демократияның аксиологиялық және процедуралық негіздеріне қатысты ұстанымдардың айырмашылығы. Платон-аристотельдік түсініктен бастау алатын көзқарасты ұстанушылар демократияның кез-келген түрінде оның билік-құқықтық институттары ортақ игілікке қол жеткізуге және белгілі бір құндылық постулаттары мен моральдық нормаларға сәйкес келуге бағытталуы керек деген ережені қорғайды. Екінші көзқарасты жақтаушылар әртүрлі жеке және топтық мүдделер арасындағы қайшылықтарды сақтай отырып, қоғамдық келісімге қол жеткізу үшін арнайы әзірленген демократиялық процедуралардың басымдығын қолдайды. Мақалада демократияның аксиологиялық және процедуралық-институционалдық негіздерінің арақатынасының диалектикасын ашуға тырысады.

Түйін сөздер: демократия, әділеттілік, сайлау, адам құқықтары, бостандықтар

Dunaev V., Shaukenova Z. Kurganskaya V.

The Ethos of Electoral Democracy: Procedures and Values

Abstract. A number of typologies of socio-political systems are presented in modern political theory. The watershed lines between them can be drawn for different reasons. The most fundamental of them is the difference of positions regarding the axiological and procedural foundations of democracy. Adherents of the point of view, which goes back to the Platonic-Aristotelian understanding, defend the position that in any form of democracy, its power and legal institutions should be aimed at achieving the common good and be consistent with certain value postulates and moral norms. Proponents of the second point of view advocate the priority of specially developed democratic procedures to achieve social harmony while maintaining contradictions between various personal and group interests. The article attempts to reveal the dialectic of the correlation between the axiological and procedural-institutional foundations of democracy.

Keywords: democracy, justice, elections, human rights, freedoms.